

В отличие от других протестантов, меннониты не дают клятв, отвергают военную службу, участие в работе государственных структур, не оплачивают деятельность своих выборных старейшин-министров. Отвергая крещение в детском возрасте, меннониты близки баптистам, данкерам, кэмпбеллитам. Подобно квакерам, меннониты полагают, что избрание старейшиной-министром не определяется теологическим образованием кандидата, а даруется Богом.

Проскурина Т.Д.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ О ЦЕННОСТЯХ (ПОДЛИННЫХ И МНИМЫХ) ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Сегодня в философских, литературоведческих и других изданиях мало публикуется работ о Л.Н. Толстом. Существующее Юбилейное 90-томное собрание сочинений, издававшееся с 1928 года – 100-летнего юбилея Л.Н. Толстого – на сегодняшний день не может считаться исчерпывающим.

Новое издание Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в более чем ста томах, получившее начало в новом тысячелетии в Институте мировой литературы РАН, пока не получает должной поддержки у отечественных издателей. Как известно, материальную помощь для выпуска книг оказывали и оказывают частные лица из Японии, Канады, но не состоятельные люди России¹.

Возникает вопрос: почему? Ответ на него мы находим в творчестве самого Л.Н. Толстого, который еще в свое время указывал, что культ материального бытия, индивидуалистического своеволия, загонит цивилизацию в тупик. Чтобы продолжать развиваться и не допустить мировой катастрофы, человечество должно уступить место осознанию себя как существа духовного, божественного.

В основе этических воззрений Толстого лежит понимание Разума как Абсолюта, проявляющегося в каждой конкретной личности и диктующие ей общие законы поведения. Благодаря работе сознания, проникновения в глубину своего «Я», человек постигает в себе эту Абсолютную сущность, ее волю, законы своего понимания и законы мира. В связи с проблемой познания и живого знания истины, Толстой приходит к понятию разумного сознания, как высшей внутренней формы разума, его высшей познавательной способности. Это ключевая для этической системы Толстого категория, которая объединяет в целый комплекс такие понятия, как единство, общее благо, совесть, любовь, свободная воля, восходя к философии стоиков².

¹ Щербакова М.И. Научные программы комплексной подготовки полного собрания сочинений Л.Н.Толстого / Л.Н.Толстой – писатель, мыслитель, философ (к180-летию со дня рождения): материалы Междунар., науч.-прак. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 5-10.

² Николаева Н.А. Л.Толстой и философия стоиков.(«Размышления»Марка Аврелия в библиотек Ясной Поляны) / Мир филологии. Посвящается Л.Д. Громовой-Опульской. М.: Наследие, 2000. С. 246-247.

Еще до «Исповеди» в «Войне и мире» Толстой отмечал, что идея добра неразрывно связана с признанием Бога как «причины причин». Пьер Безухов, выражая позицию автора, говорит Андрею Болконскому: «Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть Истина, есть добродетель, и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, что живем не иначе только на этом клочке земли, а жили и будем вечно жить там, во всем (он указал на небо)...»¹.

В признании сверхприродной реальности Толстой сближается с Достоевским. Достоевский в «Дневнике писателя» неоднократно обращался к онтологической проблеме: человек и природа. Полемизируя с «мудрецами чужуных идей» он отмечал: «Поступая нравственно, стремясь любить ближнего, как самого себя, человек приводит свою волю в соответствии с Божьим Духом»². И эта связь с надмирным порядком поднимает человека над империческим природным бытием, ведет его к полноте духовного совершенства.

Свой мучительный переход к иному мировосприятию в период духовного кризиса в 70-е годы Толстой передает через страдания и терзания Левина в романе «Анна Каренина».

Ощущая перемены в окружающей жизни, Толстой стремится к духовной чистоте, он начинает внутри себя испытывать Божественное присутствие. Толстой видит в этом тяготении основное предназначение человека на земле – обретение гармонии с Природой и поиск своего места, обозначенного Небом. Взгляды писателя, изменившиеся после его духовного кризиса, шокировали представителей российской интеллигенции.

Зная, что вокруг его имени и творчества идут споры, Толстой не считал нужным откликаться даже на самые злые критические суждения, но иногда он делал исключения.

В письме к французскому журналисту Полю Луазону он писал: «Я не реформатор, не философ, еще менее апостол. Я только человек, который, прожив очень дурную жизнь, понял, что истинная жизнь заключается в исполнении воли Того, кто послал меня в этот мир, и который, найдя в Евангелии основы истинной жизни, отбросил призрачную жизнь и стал жить <...> согласно этим основам»³.

Отрицая прошлое, болея душой за всех живущих людей, за установление справедливого образа жизни, Толстой стал думать обо всем человечестве, он неустанно верил, что человечество придет к Идеалу через все ошибки и ужасы настоящего.

В книге «О жизни» он знакомил с системой взглядов на проблему подлинного и мнимого бытия человека⁴. Жизнь представлялась ему двойственной по своей природе. С одной стороны, она казалась писателю внутренней

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1985. Т.5. С. 79.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избр. стр. М., 1989. С. 349.

³ Толстой Л.Н. Полн.собр. соч. в 90 т. Т.74. С. 16-17.

⁴ Там же. С. 416 (далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте статьи).

духовной субстанцией, не имеющей ни пространственных, ни временных характеристик, с другой – определялась как пространственно-временное бытие матери, подвластное разрушению законам необходимости. Первая формула жизни, он считал, истинна, вторая – ложна, ибо по ней человек всецело мыслит себя существом только материальным; первая – связана с утверждением в сознании людей «идеала всеобщего братства и единения», вторая – с торжеством отрицательных сил.

В продолжение всей жизни Толстой восходил на разные ее вершины, он взял величайшую вершину человеческой и вселенской жизни – вершину подлинности «Я». Толстой мыслил осуществить единение людей с Богом и между собой посредством искусства (30, 157), или хотя бы сделать их способными к такому единению (30, 159).

Искусство по Толстому, в сущности, есть «духовный орган», предназначенный для того, чтобы передавать чувства от человека к человеку. В искусстве «важно то, что заставляет людей понимать или любить то, что они прежде не понимали и не любили. В его трактате «Что такое искусство?» звучит мотив неподлинности, мнимости в человеческом бытии.

Мнимодушевность – постоянная тема творчества и проповеди Толстого, начиная с графини Лидии Ивановны, в мнимодушевности которой попал Каренин, и до «Фальшивого купона» о.Михаила Введенского, законоучителя гимназии, ставшего ректором семинарии архимандритом Мисаилом, которого посылают увещевать сектантов. Про таких людей Толстой говорил, что они серьезно верят, что они действительно, то самое, кем притворяются.

Разоблачение Толстым мнимости жизни вызвано необходимостью расчистить людям путь на вершину подлинности, или иначе, естественности высшей души человека.

Как утверждает Мардов в своей книге «Лев Толстой на вершинах жизни», уже в XX веке в обществе ассистирующая роль мнимодушевности сменилось главенствующей. Люди, обсуждая пороки современной жизни, словно не примечают главенствующей ее черты – мнимодушевности, – черты, своим существованием обуславливающей многие другие особенности самых разных явлений, движений и обществ. Мир стал жить в мнимодушевности и мнимодушевности¹.

Мнимодушевность побуждает, например, к благотворительности, к «борьбе за мир» и на «общественные протесты». Подлинное «Я» возбуждает сочувствие и велит идти к людям и раскрывать им глаза. Подлинность «Я» – в совести, в чистоте, в бескорыстии, в душевном благородстве, в высокой мысли, в любви, о которой говорит Толстой, в душевных движениях в искренности и особенно в покаянии. Подлинное «Я» кается не только за то, что натворила животная личность, но и за то, что совершило мнимое «Я» (88, 272).

В продолжение всей жизни Лев Толстой восходил на разные вершины жизни, но, кроме того, он взял величайшую вершину человеческой жизни –

¹ Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 403.

вершину подлинности «Я». Толстой добавляет и чистит, заложенное в душу человека золото тем, что помещает его под струю искренности в своей душе, пропускает его через себя, промывает и уже в чистом опять предъявляет людям. Ни один актер не сыграет Толстого, не хватит силы актерской мнимости покрыть подлинность «Я» Толстого¹.

Толстого так любят и так ненавидят за одно и то же – за подлинность его чувств, его душу, за обличение мнимодушевности и мнимодуховности во всех видах и за призыв утверждения подлинности человеческого «Я». Задача Толстого сводится к тому, чтобы превратить мнимое «Я» в более подлинное «Я».

Не исключено, пишет Мардов, что в человеке изначально вложена угроза утраты подлинности в такой мере, при которой Зло становится необратимо и торжествует победу над Добром. Сегодня в человечестве эта изначально вложенная в человека угроза стала реальностью². Проповедь Толстого (например, ненасилия или внепатриотизма) важна для очищения сознания человека от покрывающих истину заносов, мнимостей в его душе. Разоблачение Толстым мнимости нашей жизни вызвано необходимостью расчислить людям путь на вершину подлинности, естественности высшей души человека.

Толстой писал: «Людам не только хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, им казалось, что правильно то, что они делают». Человек, по Толстому, посылается Господом в мир с подлинным «Я», и, сделав «круг», возвращается к Нему с мнимым «Я». Такое состояние человека выводит его на рабочее состояние и делает ненужным Создателю (27, 281).

На свете немало искренних людей, в меру сил хранящих подлинность своего «Я», пишет Мардов, но «ядром восстановления подлинности своего «Я» – своего рода спасителем человечества от грозящего ему выхода из существования – может стать, утверждает исследователь, только Лев Толстой. Его личность и его проповедь. Это его особая миссия в мире наступившего века»³.

Толстой на последней странице «Царства Божьего внутри нас» объясняет истинное положение его суждений: «Я не говорю, что, если ты земледелец, чтобы ты отдавал свою землю бедным, если капиталист, сейчас бы отдавал свои деньги, фабрику рабочим, если царь, министр, служащий, судья, генерал, то, чтобы ты сейчас отказался от своего выгодного положения.

Если ты сделаешь это, ты сделаешь самое большое, но может случиться и, самое вероятное, то, что ты не в силах будешь сделать этого: у тебя семья, подчиненные, начальники, ты можешь быть под таким сильным влиянием соблазнов, что будешь не в силах сделать это. Но признать истину истиной и не лгать – ты всегда можешь, но и должен. Потому что в этом одном, в освобождении себя ото лжи и исповедании истины состоит единственное благо твоей жизни. «Ищите Царства Божьего и правды Его, а остальное приложится вам» (28, 291-293).

¹ Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 405.

² Там же. С. 408.

³ Там же.

Искать правду Царства Божьего внутри себя для человека сейчас, значит снимать кору мнимодуховности с души своей. Толстой как учитель самостоятельного духовного роста не терпел замшелости духовной жизни, полагал, что такое состояние души не соответствует замыслу Бога на человека. Он умел задевать за живое неподвижных людей, ценящих свое душевное спокойствие. Духовная неподвижность возможна тогда, когда человек мнит себя на вершине, откуда некуда идти дальше. Душевное спокойствие и устойчивость зиждутся на личностном самодовольстве, основания которого агрессивно защищаются.

Л.Н. Толстой так далеко ушел по пути восхождения, что у существ земной обители вряд ли существует та высшая точка зрения, с которой следовало бы судить о старце Толстом. Льва Николаевича всегда брались порицать и ставить на место люди, в духовном отношении стоявшие значительно ниже его.

В работах многих русских философов начала XX века мы находим заряд раздражения к мудрецу Толстому. Это подметил еще А. Белый: «...упоминание о его художнических заслугах есть подчас пикантная соль, которой посыпают свою хулу на него», «...похвала Толстого в ущерб его личности, есть сведение и всей его деятельности, как писателя, к нулю»¹.

Если вспомнить суждение Д. Мережковского, который объявил Толстого «ясновидцем плоти, стремящегося к одухотворению плоти», чтобы вполне убедиться в правоте А. Белого. Этот взгляд Д. Мережковского оказался в дальнейшем особенно популярным. Похоже, что с этой формулировкой люди стараются исключить Толстого из поля духовной жизни и выставить его в поле плоскости животности и тем самым закрыть для себя неприятный и трудный вопрос об его учении. В критике Толстой чаще всего предстает вроде бы как объект всеобщего почитания и, вместе с тем, ненависти. «Он нечто незыблемое, огромное, во что с размаху и со злобой кидают камнями», – пишет Мардов².

Вл. Соловьев провозглашал Толстого лицемером, пособником Антихриста. Сам образ Князя (то есть Толстого) в «Трех разговорах» свидетельствует, что. Вл. Соловьев стремился лично задеть своего оппонента³. Каждый на свой лад ругал Толстого за то, что более всего в данный момент ненавидел сам.

Несмотря на обличения, Толстой писал просто, апеллировал к общедушевной совести, не стремился переводить свою мудрость на рациональный язык ума, опирался на авторитет Христа и др., что так умирало ответную агрессивность самодовольного человека.

Толстой по-настоящему задевает за живое тех людей, кто осознает себя внутренне раскрепощенными, постоянно духовнорастущими, он разоблачает мнимость душевной свободы, духовного самолюбования человека, призыва-

¹ Лев Толстой и культура / О религии Толстого. М.: Путь, 1912. С. 92.

² Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 432.

³ Цитируется по кн. Русские мыслители о Льве Толстом.

Трубецкой Е.И. Спор Толстого и Соловьева о государстве. Тула. Издат. дом «Ясная Поляна», 2002. С. 232-234.

ет его к значительной работе души. Перед образом Толстого, подлинно одухотворенным, люди эти саморазоблачаются и оказываются тем, кто есть на самом деле.

Весь набор проповеди Толстого, все те резкости и оценки, которые так раздражают людей, служат этому противостоянию. Вот за то, что личность и учение Толстого проникнуты антимнимодушевностью, его и объявляют отрицателем культуры, обеднителем жизни, предтечей Антихриста.

Толстой обнаружил в жизни бездну мнимых чувств, в которую все более и более затягивается душа человека, и сделал вывод: «Если не случится среди нашего мира возрождения наук и искусств через выделение жемчуга из навоза, мы так и потонем в нашем нужнике невежественного многокнижия и многозаучивания подряд» (64,106).

Проповедь Льва Толстого направлена на то, чтобы пробудить в человеке стремление к вершинам жизни. Бог для Толстого, прежде всего, есть абсолютная вершина (Всевышний) сверхвершина жизни, которая призывает и требует человека к Себе и с которой человек посылается в мир для исполнения в нем не своей, а Вышней воли.

Иисус Христос в восприятии Льва Толстого – абсолютная вершина полной жизни в человеке. Вершина тем более ценная, что достигнута она не надмирным существом, а человеком. Иисус для Толстого – это вершина свободной нравственной жизни человека, воплощение Вершины Разума и Вершины любви в человеке.

Страхова И.А.

К ИСТОРИИ ХОТМЫЖСКОГО ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII-XVIII ВВ. БОРИСОВСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Тихвинский женский монастырь, основанный Б.П. Шереметьевым после Полтавской битвы изначально был частным монастырем, который содержался на средства борисовской вотчины, до конца XVIII в. имевший штат 12 монахинь и игуменьи.

В Хотмыжском уезде ранее существовали два монастыря Хотмыжский Знаменский мужской монастырь и Покровский девичий монастырь в селе Покровка.

Говоря об его основании, необходимо отметить, что в XVII в. монастыри являлись не только религиозными центрами, но и выполняли функции социального обеспечения, давая приют престарелым и искалеченным служилым людям, особенно, если они оставались одиночками. В этом были заинтересованы и хотмыжские служилые люди, когда они в прошении царю Михаилу Федоровичу в 1641 г. писали: «... И у нас холопей твоих, отцы и дяди, и матери, и братья люди старые, а иные больные на боях ранены и от больших ран по обычаю своему желают совершение христианского (обрядя) и иноческий образ принять, постригца. И в Хотмыжском, государь, твоего государства богомолья монастыря нет, нам богомольцам и холопам твоим и отцом, и дядям, и матерям, и братьям нашим, старым и раненым людям в